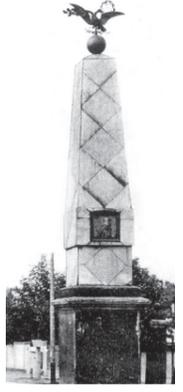

ПЕРМСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

Правда для правды, а не для красоты!
(Фёдор Достоевский)

ИМЕЕТСЯ ВОЗРАСТНОЕ ОГРАНИЧЕНИЕ: ДАННОЕ ПЕЧАТНОЕ ИЗДАНИЕ
ПРЕДНАЗНАЧЕНО ДЛЯ ЧИТАТЕЛЕЙ СТАРШЕ 16 ЛЕТ (16+)

КРАЕВАЯ ЛИТЕРАТУРНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА
Пермской краевой общественной организации Союза писателей России
при поддержке Министерства культуры Пермского края

№ 4 (42)
17 ноября 2021 года

[литературные вести]

■ СОБЫТИЕ

ЛУЧШАЯ ЧИТАЮЩАЯ СЕМЬЯ — ЭТО ЗАМЕЧАТЕЛЬНО!

В Пермской краевой детской библиотеке имени Л. И. Кузьмина прошёл очередной — ежегодный — конкурс «Лучшая читающая семья».

В конце сентября в «Кузьминку» приехали восемь семей — представителей различных городов и районов Пермского края. Завсегдатаи своих — местных — библиотек, все они стали финалистами и победителями краевого конкурса. Их видеоролики, модельные книги — творческие работы — оказались самыми лучшими (всего в конкурсе приняли участие представители 38 городов и районов Пермского края!).

Гостей библиотеки ждали интересные «станции», на которых можно было

познакомиться с историей «Кузьминки», поиграть в подвижные игры и пообщаться с самым настоящим детским писателем — Андреем Сергеевичем Зелениным. А ещё было яркое выступление оживших сказочных персонажей: Василисой Премудрой, Незнайкой, учёным котом и другими.

Однако, предстояло разыграть Гран-при — высшую награду. Задания, подготовленные библиотекарями «Кузьминки» — четыре (!) тура — были одновременно и сложными и интересными: тут и литература, и история, и краеведение — всё на знания и смекалку. С заданиями справились все семьи, но лучше остальных — семья Брызгаловых из Моховского сельского поселения Кунгурского района.

В состав жюри входили заведующий кафедрой, доцент ПГГПУ Ю. Ю. Даниленко, солист Пермского академического театра оперы и балета имени П. И. Чайковского Эдуард Морозов,

представитель Пермской краевой организации Союза писателей России А. С. Зелени. Председатель жюри — директор Пермской краевой детской библиотеки имени Л. И. Кузьмина, заслуженный работник культуры РФ Маргарита Викторовна Урих, — традиционно открыв мероприятие, завершила его словами благодарности всем читателям — всем читающим семьям Пермского края.

■ СЛОВО РОССИИ

Евгений ВАДИМОВ
(1879–1944)

РУССКАЯ КУЛЬТУРА

Русская культура — это наша детская С трепетной лампадой, с мамой дорогой. Русская культура — это молодецкая Тройка с колокольчиком, с расписной дугой!..

Русская культура — это сказки няинины — Песни колыбельные, грустные до слёз — Русская культура — это разрумяненный В рукавицах-варежках дедушка-мороз...

Русская культура — это дали Невского В серо-белом сумраке северных ночей, Это — радость Пушкина, горечь Достоевского И стихов Жуковского радостный ручей.

Русская культура — это вязь кириллицы На заздравной чарочке яровских цыган — Жемчуг на кокошнике у простой кормилицы, При чеканном поясе — кучерский кафтан...

Русская культура — это кисть Маковского, Мрамор Антокольского, Лермонтов и Даль — Терема и церковки, звон Кремля Московского, Музыки Чайковского сладкая печаль.

Русская культура — это то, чем славится Со времён Владимира наш народ большой: Это наша женщина, русская красавица — Это наша девушка с чистою душой!..

Русская культура — это жизнь убогая С вечными надеждами, с замками во сне. Русская культура — это очень многое, Что не обретается ни в одной стране.

■ ПРОЕКТ: ЭТО МОЯ ЗЕМЛЯ

АДРЕСА НЕПОВТОРИМЫХ ИСТОРИЙ

Всероссийский проект «Это моя земля» уверенно покоряет новые территории страны. Мы много путешествуем и знаем, что рассказы местных жителей о родной земле интересней, чем описания в путеводителях.

Одно из направлений проекта — литературный конкурс, цель которого — создание городских легенд и мифов, собранных под девизом «Такое могло произойти только здесь».

Пермский писатель Олег Черняк получил предложение, от продюсеров, принять участие в конкурсе и написать легенды для городов Пятигорск, Тулаев (Ярославская область) и Железногорск (Красноярский край). Конкурс ещё не закончился, но Олег Аронович уверенно удерживает лидирующие позиции. При этом легенды, написанные нашим земляком, уже интересуют читателей... И очень может быть, что эти оригинальные, интригующие истории оживят литературные путеводители российских городов.

Фёдор МОЛОТОВ, корреспондент газеты «Пермский писатель»

Дорогие друзья! Коллеги! Пермьки! Соотечественники!

В преддверии новогодних праздников от всей души желаем всем вам успешно завершить трудовой год и открыть горизонты нового! Будьте благополучны и здоровы с вашими родными и любимыми! Желаем, чтобы наполнились счастьем ваши дома, а рядом были друзья.

— ...Да, о счастье!
Ведь, пожалуй, с детства
Я к нему, как к должному, привык.
Мной оно получено в наследство,
Как свобода, родина, язык,

— так заметил выдающийся российский поэт с Урала Владимир Радкевич.

С праздником, дорогие друзья! С Рождеством! Счастливого Нового — 2022 — года!
Пусть Родина наша становится краше!

Пермские писатели

■ ТВОРЧЕСКИЙ ГОРИЗОНТ

ДИПЛОМАНТ — ИЗ ПЕРМИ

Конкурс литературного творчества инвалидов «СТИХИЯ Пегаза» прошёл в Оренбурге в статусе Всероссийского во второй раз.

В программе были проведение мастер-классов в жанрах «Проза» и «Поэзия», круглый стол «Создание условий для социокультурной реабилитации и занятий литературным творчеством людей с инвалидностью с целью вовлечения их в полноценную жизнь».

В конкурсе приняли участие 158 человек (прозаиков и поэтов), представителей 40 организаций Всероссийского общества инвалидов.

В этом году правительством Оренбургской области из-за объявленного запрета на проведение в регионе массовых мероприятий в связи с неблагоприятной эпидемиологической ситуа-

ции, конкурс проходил в дистанционном режиме. В форме видеоконференции высказывались о работах участников члены жюри — профессиональные литераторы, поэты, публицисты, филологи. Определены были приоритетные направления и номинации: «Не дай сломить себя ни людям, ни обстоятельствам», «В слове Мы — сто тысяч Я», «Мир вокруг нас». Работы оценивались по критериям: соответствие теме, богатство словаря, образительно-выразительные средства и художественная ценность произведения. В список участников мастер-класса по жанру «Проза» восточной зоны РФ вошли 25 человек.

Пермь представляла Надежда Вершинина, член ПКОО «Союз писателей России». Её рассказ был одобрен в сюжетном решении и художественном

Надежда Вершинина

описании. Награждена дипломом и ценным подарком.

На круглом столе, прошедшем 2 сентября, были подведены итоги. Представители различных министерств, правительства Оренбургской области и деятели культуры приветствовали участников. «В современной русской литературе целая проблема найти художественное произведение, в котором бы инвалид был светлым человеком, — сказал эксперт конкурса, поэт, кандидат филологических наук Михаил Кильдяшов. — Такой герой может быть героем в былинном смысле слова, показывает пример воли и желания жить, человек активный и вдохновенный».

Владимир СЕВЕРОВ,
корреспондент газеты «Пермский писатель»

Валерий ВЯТКИН
Союз писателей России,
г. Пермь

В НАДЕЖДЕ НА ОТКРОВЕНИЯ Миниатюры

Окончание. Начало в № 3(41), 2021.

ПОРА НАСТОЯЩЕЙ ЛЮБВИ

Прилетели трясогузки. Но поначалу их трудно заметить: скорее услышишь их голоса. Привычные бегать по асфальту и газонам, они держатся пока что на высоте. Осмотреться-оглядеться, признаться в любви к родному — важнее это на первых порах. Нет-нет — ни тени сомнений: не полная власть у притяженья земли.

СТАРИК И БУНЯ

В начале мая многое изменилось: вступила в силу зелёная весна. Зацвели надежды и сильные чувства — новые и необратимые. Вкруг одного простецкого дома захоронили одуванчики...

Во дворе того дома есть ограждённый газон. Нечто необычное случилось сегодня у газона. Опираясь на ограждение, вытянувшись из последних сил, некий старик закричал: «Буня!» Было в том крике что-то истощенное и даже несколько страшное, будто выражалось последнее упование. И стало тревожно за старика. Но показала собачка не больше кошки, преданно взглянув на старика. И тот, утешенный, побрёл

к подъезду, зная, что собачка пойдёт за ним, — единственный, как думалось, сожитель старика. Осталось вздохнуть с облегчением и надеждой. А одуванчики всё хороводили...

* * *

По асфальту мчатся прошлогодние листья, гонятся друг за другом, будто живые. Вот шмыгают по дорожке: проворные, словно мыши. Овальные тельца, хвосты-черенки. Жизнь и смерть — они неразлучны, составляют, пожалуй, единое целое.

* * *

Располагая свободной минуткой, задержался около сирени, что пышно цвела. Проходили люди, но на сирень никто не смотрел. «Красота спасёт мир», — отчеканил классик. Но, видно, погорячился. Спасёт — но не всех: лишь тех, кто того пожелает — пожелает всей душой.

АЛЬФА И ОМЕГА

У птиц брачная пора — множество проявлений любви. Взор же пленила летящая трясогузка: это был он. Полёт протекал эффектно. Развернув веером хвост, распевая во всё своё горло, он опускался к ней на траву. Но вот задача: явившись невесть откуда, к ней привязался ловкий соперник. И любовный порыв обратился в драку: двое спорили — она ждала. Здесь всё лишь начиналось, и задор был налицо...

А у этой вишни другой расклад: она очень стара. Имея считанные листья, вишня пышно цветёт, бесподобно бела. Почти голые, ветви пенятся от цветов. Дивно пригожая, картина охотно ложится на память, хотя чуточку и грустна. Здесь всё уже завершается, и последняя любовь предстаёт надрывом.

ВСЁ ПОВТОРИТСЯ

Плотная пелена облаков напомнила вдруг о театральном занавесе. Спектакль, где главная роль у солнца, завершился — и занавес опустился. Не слышно звонкого детского смеха. В походке людей читаешь одно: все возвращаются домой. Но декорации уже обновляются — значит, всё повторится опять.

ВЕСЕННИЕ МЕТАМОРФОЗЫ

В начале мая дул шквалистый ветер, — владел всем неприбранным и неукрепленным. Наконец всё успокоилось. Не шелохнутся молоденькие листья, будто уставшие от быстрого роста. И вернулись соловьи. И воцарились их песни в безмолвии. Не меньше чувств, чем буря, несёт в себе тишина: колдует и колдует, очаровывая местность.

НЕУКРОТИМАЯ БЕЗЗАБОТНОСТЬ

По обеим сторонам дорожки одинаковые газоны: один — кошенный, другой — нет. Некошенный радует глаз. Жизнь здесь торжествует. Гордо высятся одуванчики, радуются солнцу былинки. А на скошенном всё иначе: здесь разыгралась трагедия. Уцелевшие одуванчики смотрят печально: настоящие инвалиды, с трудом поднимают они свои повреждённые стебли. Всё это видно с некошеного газона. Но праздник жизни здесь продолжается...

ПРИГОВОР ПРИРОДЫ

Эта асфальтированная дорожка теперь в стороне от путей человеческих: по ней никто уже не ходит. И природа занялась ею. Трава на асфальте, конечно, не выросла. Но дорожка покрылась мхом, став похожей на дорожку ковровую. Природа не терпит следов чело-

века, упорно сглаживая их. Более того, отрицает наше право на жизнь: порой верится и в такое.

ТРИУМФАЛЬНАЯ РОЩА

В весеннем пробуждении природы своя очередь. У берёзы всё начинается с серёжек. Выпущенные в апреле, будто изучают они обстановку, предвзято распуская листья. И подаётся сигнал. Вот лист проклюнулся из почки, вот выставился трубочкой и, наконец, развернувшись, триумфально заблестал. Нежно-зелёный — и вправду хорош! Сколько листьев — столько триумфов в роще. Весна ликует, парадно шествуя. И радуется взор триумфальная роща.

* * *

Стрижи не умирают, а растворяются в небе, превращаясь в порывы лёгкого ветра.

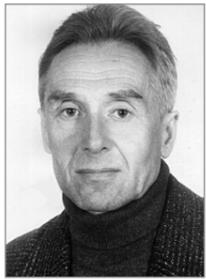
В ОЖИДАНИИ ЛИВНЯ

Мрачные тучи едва удерживают влагу. Их тяжесть давит на тебя. Крепнут в тучах электрические заряды. Молниями летят трясогузки, простреливая воздух своим звонким криком. На асфальте серёжки тополя: будто черви дождевые, что любят нежиться под дождём. И ждёшь с нетерпением ливня, обломного и неуправляемого, — логического завершения картины, столь желанной разрядки. Пора ведь, пора!

КЛЁН НАДОУМИЛ

Известное искушение — замкнуться в себе. Но как это сделать? Листья клёна внушают: не замыкайся. Пятипалый, каждый из них приглашает душевно: давай обменяемся рукопожатием. Остаться равнодушным здесь невозможно, и открываешь душу потоку впечатлений.

Александр ЗУБКОВ,
член ЦКО «Союз
писателей России»,
г. Пермь

«ОТ БАБУШКИ РАИСЫ ДО ПРАВНУКА БОРИСА» (отрывок из повести)

Случайная встреча

Аркадий Ильич Изотопов шагал в университет, чтобы преподавать свою любимую физику и зарабатывать таким способом небольшую зарплату доцента. Поблизости от шумного перекрёстка ему повстречался старый знакомый — Юрий Михайлович Ошурков. С ним Изотопову довелось в юности не раз ездить на легкоатлетические соревнования в составе одной команды.

Поздоровались.

Самодовольно улыбаясь, Ошурков протянул руку в направлении уродливого многоэтажного строения, «примороженного» к соседней «сталинке» и наполненного магазинчиками, кафе и офисами.

— Это моё! У меня есть ещё три таких дома! — похвалился Ошурков.

— Откуда они у тебя? — спросил Изотопов.

Ошурков назидательно поднял перед носом Аркадия Ильича указательный палец и произнёс:

— Мысль материальна!

Обратимся к истокам, к предыстории этого «мыслителя».

Бабушка Раиса

Раиса Ивановна Понькина почти всю жизнь проработала в областном управлении статистики.

Это была скромно одетая женщина; иногда блёклые краски своего лица она слегка оживляла губной помадой. Раису Ивановну ценили как специалиста по проверкам отчётности предприятий.

По способности выявлять нарушения и приписки, спрятанные в отчётности, с ней не мог сравниться никто из коллег.словно охотник, идущий по следу зайца, она двигалась сквозь дебри первичных документов, пересчитывая цифры, из которых складывался итоговый показатель отчётности. Ни усталость, ни позднее время не могли остановить её рвение. Тот, кто заявил бы, что сводки ЦСУ СССР — это туфта, глубоко оскорбил бы Раису Ивановну. Она была настоящим борцом за достоверную честную статистику, за здоровую плановую экономику. Когда, устроившись где-нибудь в уголке, вооружённая счётками, она неутомимо щёлкала костяшками, сердца работников проверяемого предприятия начинали тревожно ёкать. «Копает!» — думали они.

Однажды Раиса Ивановна проводила плановую проверку на заводе «Коммунар» в канун 40-летия этого предприятия. Заводчане готовились к юбилею, опасливо поглядывая на Раису Ивановну, день за днём настойчиво изучавшую их документацию. В результате своего труда Раиса Ивановна обнаружила, что в состав готовой продукции включалось в небольшом объёме незавершенное производство. Приписка была весьма невелика, однако если бы Раиса Ивановна отразила её в акте проверки, то план завода оказался бы недовыполненным на 0,12%, и юбилейный

праздник был бы испорчен. Директор завода связался по телефону с начальником статуправления Иваном Максимовичем и объяснил трагичность сложившейся ситуации.

Иван Максимович вызвал Раису Ивановну для беседы.

— Вы же понимаете, что у них имеются большие заделы, позволяющие без проблем устранить в следующем месяце», — сказал он Раисе Ивановне и попросил закрыть глаза на злосчастное нарушение, чтобы не омрачать праздника коллективу завода-юбилера.

Раиса Ивановна подчинилась. Но муторно было у неё на душе. Выйдя из кабинета Ивана Максимовича, она поднялась в свой отдел и долго сидела за рабочим столом у окна, поёживаясь. Ей казалось, будто из щелей окна холодный ветер дует ей в левую лопатку.

Впрочем, такие ситуации не могли остудить Раису Ивановну. Полей деятельности для неё хватало. Её привлекали участвовать в комплексных ревизиях совместно с КРУ и ОБХСС, и сотрудники этих серьёзных организаций всегда были довольны её работой.

Успехи Раисы Ивановны были отмечены благодарностями, занесёнными в трудовую книжку, а незадолго до пенсии — медалью «За трудовое отличие». Но не ради наград и зарплаты в 160 рублей в месяц Раиса Ивановна вечеровала над папками с документами. Она любила свое дело, делила эту любовь с любовью к дочери.

Дочь Люда родилась у молодой Раисы почти одновременно с залпами салюта Победы над Германией. Кто отец Люды, было доподлинно известно лишь самой Раисе.

Соседи по коммунальной квартире, в которой комната в восемь квадратных метров занимала Раиса, счи-

тали отцом Люды одного из пленных немцев, работавших на строительстве соседнего дома. Глядя на белобрысую Люду, возившуюся на полу в кухне, одна соседка говорила другой: «А рыльце-то у неё немецкое!» «Да, похожа на того — долговязого — помнишь!» — отвечала ей другая.

Недостатка в материнской заботе и нежности Люда никогда не испытывала. Няньчиться с ребёнком помогала бабушка, приехавшая из деревни. Помогали подруги из облстата. Дочурка порой целые дни проводила в помещениях облстата со своими куклами, и сама наряженная, словно кукла. А одеть ребёнка более или менее нарядно было в те годы непростой задачей.

Молодая мама находила время и поговорить с ребёнком, и почитать книжку. Вскоре Люда стала показывать характер. Но воспитание баловницы шло исключительно по методу «пряника».

Не сразу привыкла Люда к детскому саду — она не умела играть с другими детьми. В школе Люда училась с тройки на четвёрку, не проявляя особенного интереса ни к одному предмету.

Когда Люда достигла шестого класса, произошло новоселье. Авторитет Раисы Ивановны в облстате поднялся к этому времени до такой отметки, что ей выделили однокомнатную «хрущёвку» с балконом на третьем этаже пятиэтажки. В сравнении с их комнатой в коммуналке новая квартира казалась такой просторной — хоть играй в рятки! И жизнь представлялась светлой, открывающей широкие перспективы.

Полная версия повести
будет опубликована в альманахе
«Литературная Пермь» в 2022 году.

■ СОТРУДНИЧЕСТВО: САНКТ-ПЕТЕРБУРГ – ПЕРМЬ

Галина ВРУБЛЕВСКАЯ,
член Союза писателей
Санкт-Петербурга

БОТИНКИ
(Из жизни вещей)

Наша дорога в магазинчик была коротка: фабрика обуви, где мы родились, находилась за углом. Продавщица забросила нас с братом на дальнюю полку, рядом с прочей дешевой обувью отечественного производства. Оттуда мы с завистью наблюдали за английскими аристократами и французскими вельможами, помещенными на особом прилавке. Лениво распустив шнурки, лоснились от гордости и самодовольства заморские мокасины. Важно и твердо стояли модные, иностранные штилеты. А на пьедестале зеркальной витрины гордо возвышались принцессы из Великобритании — дамские велюровые полусапожки.

— И, что они о себе воображают? — чуть шевельнув меховым ворсом, проворчал мой левый братец. — Ещё неизвестно, как они в России приживутся.

— Вот-вот, — подхватил я. — По нашей слякоти да распутице пусть попробуют свой бархат сохранить.

Дальнейший разговор пришлось прекратить, в магазин уже входили первые покупатели. Большинство из

них останавливались у заморского прилавка и разглядывало наших собратьев иностранного происхождения. Вот покупатель оплатил чек, и элегантные зимние ботинки из Швеции покинули магазин. К полудню уехали турецкие варяги. Они стояли не дороже нас, но сверкали заметнее. Изредка в наш угол забредали какие-то неряшливые личности в потёртых пальто. Тогда мы замуривались и старались сделать совсем незаметными. Попасть к таким неряхам было страшновато.

В середине дня в магазине появилась приятная пара: молодая женщина со светлой улыбкой на лице и её спутник — солидного вида мужчина. Мужчина равнодушно прошёл мимо узконосых иностранцев и остановился у нашей полки, где ботинки были свалены почти в кучу.

— Посмотри здесь, — сказал мужчина. — Я люблю широкую обувь. Престижная марка для меня не играет роли. Лишь бы ногам было удобно.

Женщина одобрила слова спутника.

Мужчина неторопливо и основательно просматривал носы, ранты и подошву наших родственников. Трудно было сделать выбор из одинаково безликих пар. Но мы-то имели своё лицо! Надо было только внимательнее приглядеться.

Женщина вдруг погрузилась, подумав о чём-то своем, а её рассеянный взгляд упал на нашу пару. Она взяла меня в руки и погладила мою коричневую кожу. Я ощутил теплоту её пальцев. Видимо, ласка её была обращена не ко мне, а к её обстоятельному спутнику. Но я почувствовал, как вспотела моя кожа от её нежного прикосновения.

— Только бы понравиться ей, —

загадал я. — И тогда мы попадём к этому бережному хозяину и его доброй жене.

Привередливый покупатель продолжал перебирать ботинки. Его спутница, не выпуская меня из рук, обратила его взор на нашу пару:

— Посмотри, какие славные! — и снова погладила меня.

— Что-то блеск у них слабоват, — возразил мужчина.

— Зато кожа смотрится, как натуральная. И задник мягкий, натирать не будет, — снова заступилась за нас его спутница.

— Да-да, мы отличные ребята, натурально, — зашелестели языками мы с братцем.

Мужчина, казалось, услышал нас и решил примерить. Он сел на примерочный диванчик и сунул свои ноги в тёплое нутро нашего ворса. Изво всех сил мы старались угодить требовательному покупателю. Я поджался в свободных местах и, как мог, вытянулся в узковатых.

Мужчина, видимо, почувствовал мою заботу, и покладисто кивнул в сторону спутницы:

— Да, ты права. Ботинки удобные и выглядят неплохо. Но... Я хотел лишь присмотреть, раз мы рядом с этим магазином оказались. Купить их сейчас я не могу...

Мужчина смущённо умолк.

Спутница присела рядом с мужчиной, накрыла его руку своей ладонью:

— Тебе нравятся эти ботинки? Пожалуйста! Сделаем эту покупку сегодня! Вопрос ведь не в деньгах?

Мужчина оплатил покупку и, держа в руке коробку с нами, вышел на улицу. Женщина шла рядом. Мы с братцем, тесно прижавшись друг к другу, показывались в коробке. Приятные

мысли шевелились в такт шагам нашего хозяина. О нашей уютной квартире, где мы будем отдыхать после честно отработанного дня. О том, как хозяин будет чистить и беречь нас. А как-нибудь и хозяйка возьмёт нас в свои руки и погладит, как в день покупки. Ведь ей придётся иногда убирать нас в шкаф, когда сменится сезон, а потом доставать вновь...

Но вот покачивание прекратилось. Хозяин остановился. Но что это? В щель коробки я увидел, как он поцеловал свою спутницу и пошёл прочь. Она стояла у подъезда одна и долго смотрела ему вслед.

Теперь хозяин зажал коробку под мышку и решительно перешёл улицу. Миновал несколько кварталов и вошёл в свой дом. Мы оказались в квартире, по музейному чистой, будто нежилой. Надменная особа, взявшая из рук хозяина коробку, сразу невзлюбила нас. Развернув упаковку, она скользнула брезгливым взглядом по нашей коже и резко отчитала хозяина:

— Опять, милый друг, барахло притащил! И куда только твои глаза смотрели? Сколько раз говорила, чтобы один, без меня, ничего не покупал. Поверь моим словам — у этой пары подметки через месяц отвалятся.

Прошло несколько лет. Руки той, первой женщины, больше никогда не касались нас. Зато в небольшом кафе, под столиком, мы встречались с милыми подружками — бархатистыми сапожками нашей покровительницы. Теперь принцессы из Великобритании не презирали нас. Напротив, они игриво пожимали наши добрые, тупые носы. И эти прикосновения продлевали нам жизнь, вопреки предсказанию надменной особы.

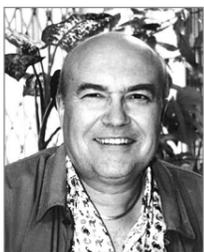
■ ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРИКАМЬЕ

Анастасия ГИРШ,
г. Пермь

СЕДОЙ УРАЛ

Седой Урал суров, неласков, кладен. Здесь, чтобы выжить, надо быть сильней стихий, и с духом края ладить. Любить леса, любить простор полей и гор вершины, кражи, и долины. Седой Урал — старик, и он колдун. Тут люди верят в сказы и былины, в могущество великих древних рун. Текут в пустотах под асфальтом реки, а под землёй живёт народец чужд. Такие в нашем крае человеки — у каждого наметен свыше путь. И Пера Маа — наша мать родная, суровая и дальняя страна — дороже нам известия о рае. Богами Севера она дана.

Валерий ТОКТАЕВ,
г. Пермь

ПОЗДНЯЯ ОСЕНЬ В ПАРКЕ

Деревья стряхнули цветную одежду,
Багряные листья накрыли качели,
Не кружат детей в саду карусели,
И птицы отпели волшебные трели.

Наш парк опустел,
И студёные ветры
Со свистом несутся по тёмным аллеям.
Зима уже близко,
И снежные хлопья
Лежат ранним утром
На голых деревьях.
И иней на окнах,
И лёд на дорожках,
И серая кошка свернулась клубочком
Холодное утро,
Спешат пешеходы,
А я наслаждаюсь
Ненастной погодой.

Сергей ГЕРАСЬКИН,
Куединский район,
д. Качка

МАЛОЙ РОДИНЫ ШЕЛЕСТ БЕРЁЗ

КОЛОДЕЦ

Покосился колодец,
Но жива в нём вода
Хоть в жару, хоть в морозец
Напоит вас всегда.
Он спасёт вас от жажды,
Здесь и место для встреч
Тех, кто был тут однажды —
У истоков, сиречь...
Не забудет девица,
Пронесёт сквозь года,
Как плескала десница
Воду щедро тогда.
И, наполнив до края
два ведёрка водой,
Осторожно ступая,
ты несла их домой...

Маленький посёлок спрятался в лесу
В зарослях черники и морошки...
Я тебя как святость в памяти несусь —
Родина Гераськина Серёжки!

У крыльца родного высятся берёзы —
Я с отцом сажал их много лет назад...
Снова на ресницах заблестели слёзы,
А они листвою тихо шелестят.

Там стрелой калёной
рельсы вдаль уносят,
Поездам прощально
машет вслед тайга.
«Где ж такое диво?» —
может меня спросят.
Я скажу с улыбкой:
«Станция Ерга».

ГОСТЬ

Серый кот мордашку моет, —
Говорят: гостей зовёт.
За окошком вьюга воет —
За ночь снегу наметёт!
А в печи трещат поленья,
И плита раскалена,
Разносолы и соленья —
Всё на стол поставлено.
Не ошибся кот-дружиче —
В дверь стучат! — Входи, родной!
Весь в снегу в моё жилище
Гость заходит дорогой.
Отогревшись возле печи,
Выпив рюмку коньяка,
Мы ведём негромко речи
И поём про ямщика.
— Слышал новость? — Да... слышан...
— Как же так? — Поди, узнай!
Всё предписано нам свыше!
А пока что наливай!
Кот калачиком свернулся,
Спрятал нос — морозу быть...
Гость под утrenchко проснулся,
Улыбнулся: «Будем жить!»

Игорь ИПОПОЛИТОВ,
г. Добрянка

ШАРИК НА РЫБАЛКЕ

На рыбалку поутру
Мы с хозяином шагаем.
Тишина стоит вокруг...
Тишину мы не пугаем.
Всем давно уже известно —
Он поэт, и я поэт.
Романтично, поэтично
На реке встречать рассвет.
На реке шуметь негоже:
Мы немеем от красы —
Солнце утром так похоже
На кружочек колбасы!

О КОТАХ И ИСКУССТВЕ

Люди кошек уважают —
Гладят, кормят вкусно...
Но они не понимают
В оперном искусстве.
Как же можно обождать
Разодетых франтов,
Но в упор не замечать
Истинных талантов?
Восхищаться, как поёт
Соловей и кенар,
И не слышать, что их кот —
Лучший в мире тенор?
Если ночью запоёт
Кот душевно арию,
Скажут все, что он орёт
Будто бы ошпаренный.
Потому с ночных гастролей
Кот бредёт, на всех обижен;
И с досады рвет обои,
Как вчерашние афиши.

НА СМЕРТЬ АНАТОЛИЯ ГРЕБНЕВА

Разрушенный космос деревни отзовется болью — истовой и истинной, лирически-пронзительной и вибрирующий самыми глубокими струнами души:

*В забытых зарослях рябины,
В горькопыльном серебре,
Деревни брошенной руины
Я обнаружил на бугре.*

*Печной, былём поросший остов,
Воротца сгнившей городьбы
Да переломанные кросна
Ещё с остатками резьбы.*

Анатолий Гребнев чувствовал русское, сокровенное, вековое самым сердцем сердца, глубинным пределом своего поэтического состава — и передавал оно красиво, на сильном порыве лирического дыхания; и крупная соль его слов переливалась белизною чистоты на солнце духа.

Стих его был вертикален: он понимал взлёт — ибо подлинность поэзии без полёта и парения невозможна.

Будучи квинтэссенцией души, поэзии живёт только на высших вариантах её возможностей — и А. Гребнев доказывал это световыми сгустками своих стихов.

*Застольная гармошка
Разбудит вдовы сны:
«По муромской дорожке
Стояли три сосны...»*

*Душе тоски-печали
Не надо занимать.
И, головой качая,
Поёт,
как плачет,
мать.*

Проходила волнами строк русская жизнь: со своими бедами и победами, с грустью задумчивых пейзажей и вечной тоской по всё никак не всплывающему Китежу...

Проходила она — пёстрая, сочная, разная, и вспыхивали огни стихов, призванных освещать пространство грядущего.

Свет был порою рябиновый: и оттого казался таинственным вдвойне:

*Красной рябиновой веткой —
Свет в материнском окне.
Спросит с участием соседка,
Вижу ли маму во сне.*

*И убежденно толмачит,
Истовой веры полна:
«Не обижается, значит,
Если не снится она».*

В определённом смысле жизнь и смерть есть обороты одной медали, и живые связаны с мёртвыми бесконечным родством: оттого и смерть поэта воспринимается условностью — на фоне вечно поющих его стихов...

Александр БАТИН

ПРОЩАНИЕ С ПОЭТОМ

Писательская общественность края с глубоким прискорбием извещает, что 1 ноября 2021 года скончался член Союза писателей России, заслуженный работник культуры, лауреат многих литературных премий поэт Анатолий Григорьевич Гребнев.

Наша культура понесла невосполнимую утрату. Его проникновенный талант отличала народность, масштабность, глубина, многосторонность и требовательность, безупречное чутьё слова, лиричность и беспредельная преданность литературе. Он жил литературой и в литературе. В кругу писателей и читателей Гребнев пользовался редким уважением.

Анатолий Григорьевич был очень светлым человеком с доброй душой. Его отличала огромная начитанность. Там, где появлялся Гребнев, всегда царил ощущение праздника: щедро сыпались шутки, остроумные экспромты.

Поэзия Гребнева насковозь пропитана любовью к родине, к её основам, уважением к истории, какую Бог послал, к человеку, к людям, которые, жертвуя всем, прожили жизнь ради страны, а нередко и потеряли эти жизни на войне. В судьбе поэта — судьба России, а в судьбе России — его судьба. И потому в гражданской лирике

Гребнева — боль за народ, за его духовное и культурное достояние. Такая поэзия дорогого стоит.

Его произведение — это богатый и широкий диапазон душевных проявлений человека в разных состояниях и возрастах, его отклик на жизнь: и ребёнка, и подростка, и студента; и мальчика и зрелого мужа; и жителя деревни и ушедшего из неё человека, влившего в прослойку городской интеллигенции.

Родился Анатолий Григорьевич 21 марта 1941 года в селе Чистополье Кировской области, в многодетной семье. С самого раннего детства, в голодные военные годы он с сёстрами и старшим братом познал все прелести крестьянского труда. Их отец погиб в боях под Ржевом. И мать растила их одна...

В старших классах школы Анатолий увлёкся поэзией. А потом она стала для него поначалу второй, а затем и, можно сказать, первой профессией. В 1965 году он окончил Пермский медицинский институт. Работал в участковых сельских, городских больницах. Почти до 80 лет он не оставлял профессию врача, на редкость удачно совмещая с поэтическим творчеством.

В 1976 году Гребнев окончил Литературный институт имени А. М. Горького, а в 1978-м, после выхода очередной книжки стихов, был принят в Союз писателей СССР. Выпустил более двадцати книг. Стал лауреатом

множества премий, в том числе первым лауреатом премии имени поэта Алексея Рештова, награждён орденом Достоевского I степени.

В литературном мире он известен очень широко. Дружил с Валентином Распутиным, Василием Беловым, Виктором Астафьевым, Виктором Лихоносовым, Анатолием Передревым, Владимиром Крупиным, Анатолием Заболоцким (кинооператор В. Шукшина), Николаем Полотнянко из Ульяновска...

Поэзия Анатолия Гребнева — достояние нашего края и нуждается в глубоком изучении и осмыслении... Чего стоит только созданный им в стихах образ Поля и образ Мальчика, бегущего этим полем. Эти два образа поэт возвёл в философские категории.

Похоронили поэта, как он и завещал, в Кировской области, на родной его земле в селе Чистополье, многожды раз воспетом в его стихах. Но родные увезли от имени писателей Пермского края для могилы поэта горсть земли нашей, пермской, на которой он состоялся творчески, на которой жил и трудился, по которой ходил и ездил более 60 лет.

Скорбим вместе с родными и близкими! Вечная память нашему дорогому другу!

Писатели Пермского края

Фотоколлаж: Владимир МАСЛЯНКА

■ РОДИНА

Анатолий ГРЕБНЕВ
(21.03.1941 – 01.11.2021)
Союз писателей России

НЕБО ЗДЕСЬ НАЗОВЁШЬ НЕБЕСАМИ

Я проснусь на заре.
В избах печи уже затопили.
На окошках, играя,
горячие блики снуют.
Звонко бьют топоры —
срубы нового клуба стропилят,
Петухов, заглушая,
вовсю бензопилы поют.
И далёко гремит
по окрестности гулкое эхо.

И опять я смеюсь,
и душа молодым-молода,
Будто я не вчера
под родимую крышу приехал,
Будто я никуда не летал
из родного гнезда.
Будто было всегда
надо мной деревенское небо,
И дышал я легко,
не желая счастливой судьбы,
Этим запахом древним
ржаного печёного хлеба,
Боровым ароматом
янтарной сосновой щепы.

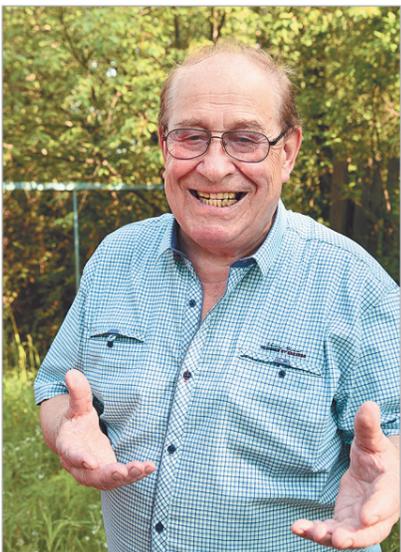
В полумгле, в полусвете
Гулы, шорохи, звон.
Это, может быть, ветер?
Только, вроде, не он.

Это, может быть, время,
Потерявшее счёт,
По вершинам деревьев
Неумолчно течёт?
Это, может быть, дождик
Затихает, шурша?
Что ж тебя здесь тревожит,
Что болишь ты, душа?
Может, вздох всех ушедших
Над судьбою живых?
Кто там плачет и шепчет
Средь стволов вековых?
Может, память живущих
Всею болью-виной
В надмогильные кущи
Набегаёт волной?
Будто гул половодья —
Глубже чувств,
Выше дум —
В дрожь бросает невольню
Нарастающий шум.

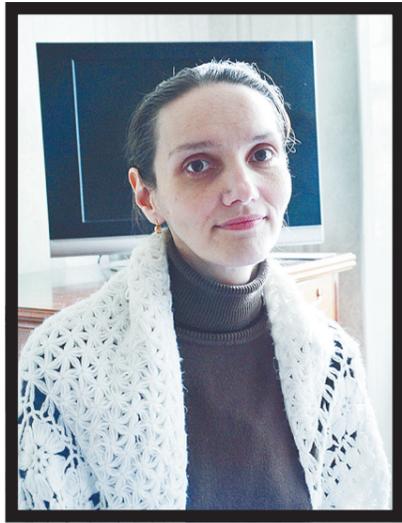
Небо здесь назовёшь небесами
И поймёшь, что тебе повезло,
Обретя за глухими лесами
Эти пажити, поле, село.
...Можно жить с постоянной болью,
Но сияет надежда во мгле.
Слава Богу, моё Чистополье
Существует ещё на земле.
Слава Богу, всем бедам перечая,
Край не пуст и душа не пуста,
Хоть пока Иоанна Предтечи
Храм на взгорье встает без креста.
Но не зря над родными местами,
Охраняя родительский кров,
Из глубин поднебесных
Блестит Богородицы
светлый Покров!

МАТЬ

То ли дождик во мгле припускает,
То ли во поле вихорь ревет —
Плачет мама моя, причитает,
Провожает меня до ворот.
— Мать, не надо!
Я снова приеду...
Но не слышит, за мной семеня,
Что-то шепчет ещё напоследок
И тайком ещё крестит меня.
И опять её плач отдаётся
Обжигающей болью
Во мне.
А она отстаёт,
Остаётся,
Исчезает
В дымящейся мгле.
Мать, прости мне.
Слова неуместны.
Эту боль
Не излечат слова.
В восемнадцать ты —
лебедь-невеста,
В тридцать лет ты —
кукушка-вдова.
И с оравой мал мала меньше
Началось оно,
это житьё,
Что по тяжести
каторжной
женской
Уж, скорей, не житьё,
а вытьё.
Ты в заботах без ласки
строжела,
Но и нынче,
сгорбя в тишине,
Ты отца,
что лежит подо Ржевом,
Привечаешь, живого,
во сне.
Мать, прости мне.
Нас вдаль разметало.
Век свистит,
наши дни торопят.
Эта горькая память,
Не старясь,
Пусть хранит,
как и прежде, тебя.

Анатолий Григорьевич Гребнев на своей даче.
Лето, 2021 г. Фото: Владимир БИКМАЕВ

О ДОРОГОМ ДРУГЕ,
ЛЮБИМОМ АВТОРЕ

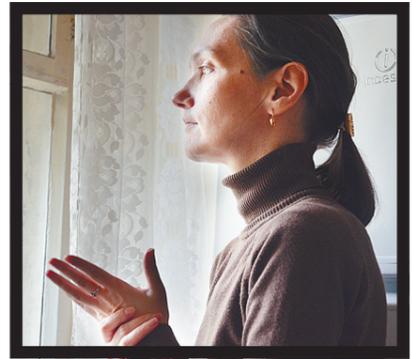
9 ноября 2021 года ушла из жизни талантливый автор **Наталья Сова (Наталья Владимировна Белоусова)**.

Наталья Владимировна родилась 25 декабря 1970 года в Перми. В 1990 году окончила Пермское музыкальное училище, Пермский государственный институт искусства и культуры (1996), обучалась на Высших литературных курсах при Литературном институте им. М. Горького в Москве (2005).

Литературный псевдоним Сова появился от сокращения фамилии Белоусова. Всю свою жизнь Наталья посвятила творчеству, публиковалась в различных сборниках и альманахах: «Новые писатели», «Литературная Пермь», «Пролог», журналах «Фантом», «Лавка фантастики», «Огонёк», в газете «Пермский писатель». Она автор ряда книг «Королевская книга» (Москва, 2005), «Счастливые» (Пермь, 2009), «Когда звёзды не жмурятся» (Пермь, 2013). Сама Наталья о начале своего творческого пути говорила так: «Я начала писать не для того, чтобы выпустить книги, стать известной, а просто для того, чтобы почитать что-нибудь новое...»

Член Союза писателей (2007), лауреат премии Пермского края в сфере культуры и искусства за 2013 год [Когда звёзды не жмурятся: Рассказы и роман. — Пермь: Пермский писатель, 2013. — 250 с. (Антология пермской литературы; т. 5)] — за создание высокохудожественных произведений литературного искусства малого жанра, за большой личный вклад в развитие литературного искусства в Пермском крае Наталья Владимировна Белоусова (Сова) награждена орденом Дстоевского II степени (2012).

В статье о творчестве писательницы «Жизнь без черновиков» (2015) Юрий Асланиян очень тонко подметил: «Проза Натальи Сова — это чистая литература, художественное

произведение, в котором реальность появляется в столь зашифрованном виде, что увидишь её не сразу. Нужен не только опытный взгляд, но и чуткое сердце. Дети мало обладают первым, зато сильно превосходят взрослых во втором. Может быть, поэтому её так любят школьники.

Серьёзный недуг не позволил Наталье заниматься творчеством. Её часто посещали друзья, председатель Пермского отделения Союза писателей России Владимир Якушев.

К нашему огромному горю, после долгой и продолжительной болезни писательница ушла из жизни.

Приносим наши соболезнования родным и близким! Скорбим вместе с вами!

Писатели Пермского края

Фото: Александр САНДЛЕР

■ НЕБО

КОГДА ЗВЁЗДЫ НЕ ЖМУРЯТСЯ. Рассказ

Данька любил зиму. За Новый год, петарды и снегокат. И ещё за то, что зимой по вечерам видны звёзды. Если с разбегу кувыркнуешься в сугроб и вдруг увидишь их — весь мир на короткое время замирает, двор делается маленьким-маленьким, а пространство неба — глубоким и беспредельным. И оттуда, из беспредельности, прямо на тебя смотрят звёзды. Данька уже знал созвездия: уверенно мог показать Большую Медведицу, Кассиопею и Орион. Кассиопея была похожа на букву «М», у которой разбежались в стороны ножки. Орион узнавался по трём звёздам, выстроенным в ряд. А Большая Медведица напоминала ковш с изогнутой ручкой. Всё это показал Даньке дедушка, когда по вечерам забирал его с тренировок по лёгкой атлетике. Они сворачивали в неосвещённый тихий двор, дедушка останавливался и поднимал голову к небу. Данька тоже поднимал. Они стояли молча, и Данька знал, что у дедушки при виде звёзд так же замирает сердце, как у него самого. Но, узнав имена созвездий, стоять молча Данька уже не мог.

— Пояс Ориона, — важно сказал он дедушке, указывая на три звезды низко над крышами.

— Правильно, — ответил дедушка. — А где Большая Медведица?

Данька поискал и нашёл.

— А недалеко от неё, смотри, Малая Медведица, — добавил дедушка. — И Полярная звезда. Где Полярная звезда, там север.

— Большую вижу, Малую нет, — признался Данька, глядя в небо.

Там тускло светились небольшие разрозненные звёздочки и никак не складывались в созвездие.

Дедушка стал показывать — серьёзно и обстоятельно. Данька тоже умел быть серьёзным, но недолго. Поэтому он начал кричать, подпрыгивать и тыкать пальцем в небо:

— Там Полярная звезда, там север! Север над нами! Север над нами!

Дедушка только усмехнулся снисходительно.

— Вообще-то Пермь не место для наблюдений, — сказал он. — В городе звёзды жмурятся.

— Это как? — быстро спросил Данька.

— Если тебе в лицо направить яркий-яркий свет, ты что сделаешь?.. Правильно, закроешь глаза. А теперь представь себе: огромный город светит множеством ярких огней прямо в космос. Вот звёзды и жмурятся.

— Всё понятно. Малая Медведица зажмуренная, поэтому я её и не вижу.

— Точно, — сказал дедушка.

Когда они пришли домой, мама уже вернулась с работы. Данька тут же сообщил ей главную новость: звёзды жмурятся от городского фонарей, поэтому их так плохо видно.

Мама покачала головой и укоризненно сказала дедушке:

— Ну зачем сбивать ребёнка с толку... Есть же более понятные объяснения...

— По-моему, он прекрасно всё понял, — возразил дедушка и подмигнул Даньке. И Данька ему подмигнул.

Наступила весна. Сугробы осели. Снег во всём городе стремительно таял. Всё твёрдое под ногами стало жидким, всё шершавое — скользким, всё белое — серым, коричневым и чёрным. Дни стали длиннее, и по вечерам уже не видно было звёзд. А потом пришло лето — яркое, пыльное и жаркое. Лето Данька тоже любил. За открытые окна, тополиный пух и футбол.

В конце лета произошло событие: мама и папа взяли Даньку в поход. Поход назывался «семейный». Кроме взрослых там были белобрысая вертящая девчонка и два малыша-карапуза. Один из малышей всё время ревел. Девчонка шла рядом с мамой, глупо хихикала и разговаривать не собиралась. Данька затосковал.

К вечеру, когда на поляне поставили палатки и развели костёр, он окончательно понял, что хочет домой. Взрослые пели под гитару, малыши уже спали, а девчонка пряталась где-то.

Данька отошёл от костра, чтобы никого не видеть, и заметил за палатками светлый силуэт. Кто-то стоял по пояс в высокой траве и смотрел в небо. Это оказалась та самая девчонка — светлые хвостики, белый спортивный костюм. На Даньку она не обратила внимания. Медленно подняла руки, будто готовилась взлететь. Данька взглянул туда, куда смотрела она, и замер.

Небо сияло. Столько звёзд Данька не видел нигде и никогда. Огромные, яркие, мерцали они над лесом, близко-близко к земле. В глубине неба россыпью сияли светила поменьше, а ещё дальше светилась тончайшая звёздная пыль.

— О-о!.. — выдохнул Данька.

Он даже не пытался найти знакомые очертания созвездий. Сейчас ему было всё равно, как называются отдельные звёзды и как они расположены. А небо смотрело на него с таким же восторгом, как он на небо.

Звёзды словно коснулись его своими лучами — коснулись лица и глаз, и плеч. И было так, будто звёзды — друзья, с которыми он давно не виделся. Теперь они встретились. И звёздное небо обняло его.

— Дании! Вера! — донеслось от костра. — Данька, ты где? Вера, иди сюда!

Девчонка зашуршала травой и убежала. Данька постоял ещё немного и тоже пошёл к костру. Взрослые пели про изгиб гитары жёлтой. Вера сидела и молча смотрела в огонь. Она теперь вовсе не казалась такой глупой и вертящей, как днём. Данька сел рядом с ней и сказал:

— Здорово, когда звёзды не жмурятся.

Она кивнула и улыбнулась.

Михаил ДАВИДОВ
Союз писателей России,
г. Пермь

Продолжение.
Начало в № 1–3 (26–28), 2018;
1–4 (31–34), 2019; 2 (36), 2020; 2–3
(42–43), 2021

ПОСЛЕДНИЙ ПРИЮТ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

По отзыву Н. Н. Страхова, друга семьи Достоевского, припадки подвергали жестокому испытанию мозг, душу и физическое здоровье писателя, выводили его из строя, литературной писательской колеи в среднем на трое суток (иногда дольше). По подсчётам Н. Н. Страхова, получается, что более 1000 дней, т. е. около 3 лет душа и мозг Достоевского провели во тьме и во сне, наполненном галлюцинациями и мучительными кошмарами.

Сами припадки эпилепсии, не ослабляя в целом творческие способности писателя, значительно задерживали процесс написания литературных произведений. После припадков в течение от 3 до 7 дней голова у писателя была, как он выражался, «не свежей», сочинять было трудно, работа над очередным романом останавливалась. В последние годы жизни вследствие эпилепсии в течение нескольких дней после припадков ослаблялась память, особенно на лица, фамилии, имена. Иногда до такой степени, что он какое-то время не узнавал людей, не помнил самых простых вещей и надеялся только на записную книжку. Сам Фёдор Михайлович жаловался писателю А. М. Славичкову: «Я забываю после припадков, что уже написано на листах, отосланных в редакцию. Надо продолжать, а я не помню».

Но важно понимать следующее: по прошествии нескольких дней память полностью возвращалась к писателю, мозговая деятельность не только восстанавливалась, но и значительно усиливалась. В мозгу писателя с колоссальной быстротой и силой создавались образы, диалоги, события, что помогало ему в написании романов. Работоспособность его была потрясающей. К примеру, всего за 26 дней он написал очень большой по объёму роман «Игрок». Достоевский до последних дней жизни сохранил острый ум и интеллект!

Современные хулители Достоевского, опираясь на научно-медицинские руководства, где описаны отдельные случаи деградации личности и осложнения мозговой деятельности у некоторых больных эпилепсией, автоматически переносят эти данные на писателя. Мол, у него мозг деградировал, и он сочинял де отвратительно плохо. При этом критики Достоевского никак не могут объяснить, почему современные читатели так зачитываются произведениями писателя, так любят их, почему так огромны тиражи его романов? Они забывают, что в медицине нельзя всех больных «грести под одну гребёнку». Известно большое количество людей, десятилетиями страдавших эпилепсией, которые были и оставались гениальными по своей мозговой деятельности. Эпилепсией страдали Александр Македонский, Гай Юлий Цезарь, Пётр I, Наполеон, Флобер и многие другие великие люди, которых принято называть гениями.

При эпилепсии в головном мозге создаются такие изменения, которые нередко приводят не к деградации личности и интеллекта, а, наоборот, значительно повышают творческие способности, позволяют делать открытия, создавать музыкальные и литературные шедевры. Именно таким гением являлся величайший писатель Фёдор Михайлович Достоевский.

Вернёмся к утверждению о «жестокости и садизме» Ф. М. Достоевского по отношению к героям своих произведений. Эти обвинения абсурдны и голословны. Гениальный писатель, погружённый в жестокою действительность жизни, с позиции реализма отображает этот мир. Писатель не лакирует действительность, не закрывает глаза на жестокости мира, а обнажает их. Ф. М. Достоевский не виноват в том, что мир так жесток, что в нём есть униженные и оскорблённые, что их так много. Да, этот талантливый писатель иногда применяет литературный приём гипертрофирования, усиливая эффект на читателя. Если внимательно вчитываться в произведения Ф. М. Достоевского, глубоко анализировать их, то вы, дорогие читатели, почувствуете глубочайшее сострадание и сочувствие к жертвам социального унижения, к униженным и оскорблённым, со стороны автора. В этом очень в малой степени виновна его болезнь — эпилепсия. Основное значение сыграли жизненный путь Достоевского, его наблюдательность и художественное мастерство, позволившее воплотить увиденное в реальной жизни в характеры, образы и судьбы героев.

Бедный дворянин Ф. М. Достоевский, приехав в Санкт-Петербург, рано прославился как писатель, и был неожиданно вознесён на небывалую для себя высоту. Но затем он примкнул к петрашевцам, и наступила чёрная полоса его жизни. Он испытал оскорбления судного дела, следствия и допросов, ужасы ожидания смертной казни, каторги. Он не созерцательно, как многие «дворянские» писатели (Тургенев, Некрасов, Лев Толстой) наблюдал все ужасы и несправедливости жизни, а сам был в пекле унижений и оскорблений вместе с другими людьми, образы которых затем так мастерски вывел в своих произведениях. Персонажи Достоевского взяты из реальной жизни, а не высосаны из пальца. Болезнь имеет весьма малое значение в направлении творчества Достоевского. Главное значение имеет его жизненный путь, познание тяжести окружающей жизни и гениальное литературное отображение этой реальной жизни обездоленных и униженных.

Помимо сострадания и сочувствия, в романах Достоевского звучит скрытое напоминание о том, что всё это может случиться и с вами, дорогие читатели, как бы вы сейчас ни жили весело, безбедно и беззаботно.

Именно своим состраданием к униженным и оскорблённым дорогам Ф. М. Достоевский. Произведения этого русского гения — ярчайший гимн доброте и милосердию!

* * *

Критики Ф. М. Достоевского всех мастей не перестают обвинять писателя в «плохих» чертах характера. Анализируя эти обвинения, можно выделить две основные группы обвинителей. Первые закрывают глаза на его болезнь, и те симптомы эпилепсии, которые у Достоевского были, выдают за черты характера. Вторые видят в Ф. М. Достоевском не гениального писателя, а всего лишь слабого, больного человека, смакуют его болезнь, описывают типичные в медицинской практике симптомы тяжелейших форм эпилепсии с нарушением интеллек-

та и всё это автоматически переносят на писателя, несмотря на то, что этих крайних проявлений болезни у него не было!

Конечно, эпилепсия в некоторой степени отложила на характер Достоевского определённый отпечаток. Почти все мемуаристы отмечают, что в 40–50 лет писатель внешне выглядел стариком. В юности он был нелюдим, трудно сходил с людьми, искал уединения. Истинных друзей у него было не много. Однако чужое горе Достоевский всегда принимал близко к сердцу, к «униженным и оскорблённым», слабым и беззащитным, больным и бедным питал глубочайшее чувство сострадания. Душа у него была чистая, а сердце доброе. Да, характер, вследствие болезни, был сложным. У Достоевского отмечены такие черты, как нервность, чрезвычайная впечатлительность, мнительность, исключительная добросовестность в делах, педантизм, щепетильная аккуратность. Например, назначая время деловой встречи, он всегда подчеркивал: ни раньше, ни позже.

Очень болезненно относился к критике и в свой адрес, и в адрес своих произведений, в том числе, со стороны И. С. Тургенева, М. Е. Салтыкова-Щедрина и некоторых других писателей, большая часть которых просто завидовала славе Ф. М. Достоевского.

Но, скажите, как нормальный человек мог относиться к такой необъективной критике, которой подвергали его некоторые известные писатели того времени? Например, в 1875 году М. Е. Салтыков-Щедрин так отозвался о только что вышедшем романе «Подрасток»: «Роман Достоевского просто сумасшедший». И. С. Тургенев так писал об этом же романе: «Это хаос: Боже, что за кислотина, и больничная вонь, и никому не нужное бормотание». Между тем, и роман «Подрасток» и другие романы Ф. М. Достоевского вызвали огромный интерес у всех читателей России, их читали буквально запоем и относили к литературным шедеврам!

«Тургенев всю мою жизнь дарил меня своей презрительной снисходительностью, а за спиной сплетничал, злословил и клеветал», — однажды с горечью высказался Ф. М. Достоевский.

После припадков эпилепсии Достоевский в течение нескольких часов или дней мог быть капризным и сказать резкое слово. Но в этом повинна его болезнь! В доказательство приводим рассказ приятеля писателя, А. Милюкова: «В последние годы мне случалось слушать, что Достоевского обвиняли в гордости и пренебрежительном обращении с людьми... Говорили, будто проходя по улице, он умышленно не узнавал знакомых и не отвечал на их поклоны и иногда про человека, ему известного, спрашивал: кто это такой?.. Но это происходило не от надменности или самомнения, а только вследствие несчастной болезни и большей частью вскоре после припадков». И Милюков привёл случай припадков Достоевского, свидетелем которого стал, и поведал о последовавшей вслед за припадком кратковременной потере памяти, когда писатель не узнал самого Милюкова.

Мой научно-медицинский анализ позволяет сделать заключение, что причиной безудержной неуправляемой страсти Ф. М. Достоевского к игре в рулетку является именно его эпилепсия. Вследствие нервно-психических процессов, обусловленных эпилепсией, Фёдор Михайлович не мог управлять этой своей страстью, проигрывал большие суммы, но вновь и вновь садился играть. Игромания невероятно распространилась в России с 1990-х годов, когда появились игровые

автоматы, которые народ ёмко и справедливо окрестил «однорукими бандитами». И современные учёные сделали вывод, что у подавляющего большинства людей, одержимых игроманией, при психоневрологическом обследовании выявляются эпилепсия и другие заболевания нервной системы или состояния, пограничные с патологией.

К чести писателя, Ф. М. Достоевский колоссальным усилием воли сам, без помощи врачей, преодолел свою страсть к игре в рулетку. Недоброжелатели Ф. М. Достоевского второго рода беспардонно лгут на него, используя следующий приём. Они вставляют людям, не знающим медицины и фактов биографии писателя, что при тяжёлых формах эпилепсии якобы обязательно происходят изменения личности и интеллекта. А раз Достоевский имел эпилепсию, то и у него обязательно должны были быть эти нарушения психики и интеллекта. И начинают выискивать в биографии писателя, в его длительной и невероятно тяжёлой и суровой жизни какие — то фактики, раздувая их до проступков и преступлений чудовищных размеров!

Так, некто Лео Яковлев в Харькове выпустил гадкую книжонку под названием «Достоевский: призраки, фобии, химеры». Из самого названия «произведения» ясно вытекает цель автора — очернить великого писателя. Под этим углом очернительства Л. Яковлев описывает всю сложную жизнь Достоевского. Ведь нет абсолютно идеальных людей! У каждого человека бывают в жизни какие-то негативные поступки, возможно, встречались они и у Достоевского. Но зачем рассматривать их под увеличительным стеклом и искусственно превращать их в «преступления» чудовищных размеров?

Лео Яковлев нашёл необъективные воспоминания недругов писателя, И. Янжула и Л. Оболенского, и буквально смакует их, делая вывод, что Фёдор Михайлович всю жизнь дел только и занимался тем, что создавал «скандалы на пустом месте». В частности, И. Янжул вспомнил, как Фёдор Михайлович в гостях вдруг затеял спор о преимуществах садоводства над огородничеством. Ну, и что из того? Разве человек за 59 лет жизни и поспорить не может? Пусть и с применением резких выражений. Л. Оболенский же вспомнил эпизод на одном из литературных вечеров, когда Достоевский «вдруг с криком» стал спорить с человеком, который начал расхваливать М. Е. Салтыкова-Щедрина. Ну, и что из этого? Ведь у Достоевского и Салтыкова-Щедрина действительно существовали принципиальные расхождения во взглядах на российскую действительность того времени!

Простудировав, словно зубрила-студент, медицинские учебники, Лео Яковлев старательно переписал из них некоторые симптомы эпилепсии (большинства из которых не было вообще у Достоевского!) и поучающе вещает всему литературному миру: «Из медицинской практики известно, что последствиями падушей болезни являются развивающиеся необратимые изменения личности, образующие эпилептоидный тип патологии характера. Этому типу присущи крайняя раздражительность с приступами тоски, гнева и страха, нетерпеливость и упрямство, обидчивость и склонность к скандалам». Все эти признаки, по предвзятому мнению автора, «явственно проступают у Достоевского».

Однако ни Лео Яковлев, ни следующий «знаток» биографии Достоевского — профессор генетики В. П. Эфроимсон, не утруждают себя доказательствами.

Окончание следует.

■ ВРЕМЯ

Александр БАЛТИН
Член Союза писателей
Москвы

ДУХОВНЫЙ ДОМ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО (К 200-летию со дня рождения)

1

...он кажется, героем такой чистоты, что преступления будто бы не было.

Раскольников — сгусток больной совести, сострадания, желания помочь: неужели обладающий такими качествами человек возьмётся за топор, воплощая выморочную идею...

...этакий всякий пойдёт старушек лущить: человек и развился, когда перестал исползовать физическое устранение неприятных ему других, и стал пользоваться возможностями слова...

Впрочем, нет — убивали, убиваем и будем убивать: так устроены: не мешай, моя территория...

Но Раскольников убивает не из-за территории, едва ли процентница так уж мешает ему: он ставит экзистенциальный эксперимент: над собой, над внутренним своим составом: выдержит ли...

Не выдержал.

Ахматова говорила, что Достоевский не знал всей правды, полагая, что убьёшь старушку, и будешь мучиться всю жизнь; он не предполагал, что утром можно расстрелять пятнадцать человек, а вечером выбрать жену за не красивую причёску...

Может, предполагал?

Ведь нарисовал же бесов, пользуясь красками гротеска, вообще излюбленными им.

Не только ими: красками правды, предчувствия, постижения реальности, и человека в ней...

Раскольников верует буквально: то есть не очень глубоко; Достоевский, используя формулу: ...до тех пор, пока человек не переменится физически, предполагал, что такое возможно: значит, видел сквозь плотные слои материальности.

Как видел творящееся в недрах человеческих душ: а там кипит столько всего, что не захочешь, а напьёшься...

И пьют у Достоевского, пьют многие; недаром черновое название «Преступления и наказания» — «Пьяненькие».

Пьяненькие, жалкие, вбитые в шпелю...

Она хрипит старухой: скученность больших домов противоречит жизни, и опять Мармеладов развивает теорию бессмысленности просить в долг...

А...кто это выходит на сцену?

Крепкий, щекастый, разумеется, Фердыщенко, заставляющий усомниться в том, что воспоминания — ценность.

Ведь ежели хороши, их хочется повторить, когда худые — забыть, отказать...

Из жизни не вычеркнешь ничего — как из черновика: замечали?

Невозможность отступления увеличивает безнадёжность.

Мышкин проявится, но не в его силах будет изменить мир: оставшийся и после Христа таким же, как был: с насилием государств, войнами, тотальным неравенством, смертью, болезнями...

Люди не говорят, как у Достоевского: тем не менее, его людей — хочется слушать.

Они сбивают речевые пласты напозающими друг на друга структурами, захлёбываясь, спеша...

Всё спешит, всё несётся, мелькает kaleidosкоп разнообразнейших персонажей; Карамазовы — это будто один, расчётверённый человек, и Иван уравнивает мысль сладострастие отца, который будет убит смердом, смердящим...

Нет людей хороших.

Нет плохих.

Снег падает на городские задворки; всякий человек — и белоснежен внутри, и грязен, как неприглядные задворки эти; Достоевский, показывая человеческое разнообразие, призывал быть терпимее друг к другу, добрее; всегда проводя через мрачные коридоры к астральному свету: надо только почувствовать...

2

Сундук, на котором ребёнком спал Достоевский, можно увидеть в музее, располагающимся рядом с больницей, во дворе которой стоит странный, сильный памятник: писатель, словно разбуженный выстрелом... или: выдирающийся из лент небытия к сияющему простору мистического космоса.

Не от утlosti ли того пристанища, где пришлось спать ребёнку — банька с пауками? Потугоронная тоска Свидригайлова, который уедет в Америку на энергии выстрела?

Страшные колодцы петербургских дворов: в Москве таких нету: недаром Достоевский именовал Петербург самым умышленным городом на свете, когда Москва обладала естественностью прорастания в явь.

Москва пьяновата и пестровата.

Петербург холоден и строг.

Вам жалко Макара Девушкина?

Ведь он жалок...

А вы сами?

Жалкое — вместе растерянное, детское есть в каждом.

И впрямь: мало живущий, ничего не знающий ни о Боге, ни о том свете человек таков, что его не может не быть жалко.

Но Достоевский провидел тайный свет, и постоянное стремление к оному — важнее даже огромной языковой работы, проделанной классиком.

3

Смертное манит, запредельное влечет; Кириллов, строящий теории самоубийства, больше вызывает сострадание, чем...

Провинциальная дыра становится великим кошмаром, принимая в себе бесов.

В революции, кроме крови и жертв, Достоевский не видел ничего; и, ожидая кошмарных перспектив, не предполагал общечеловеческого прорыва к свету.

...который знал, как мистическую основу бытия; свет, определяющий жизнь, влекущий, манящий...

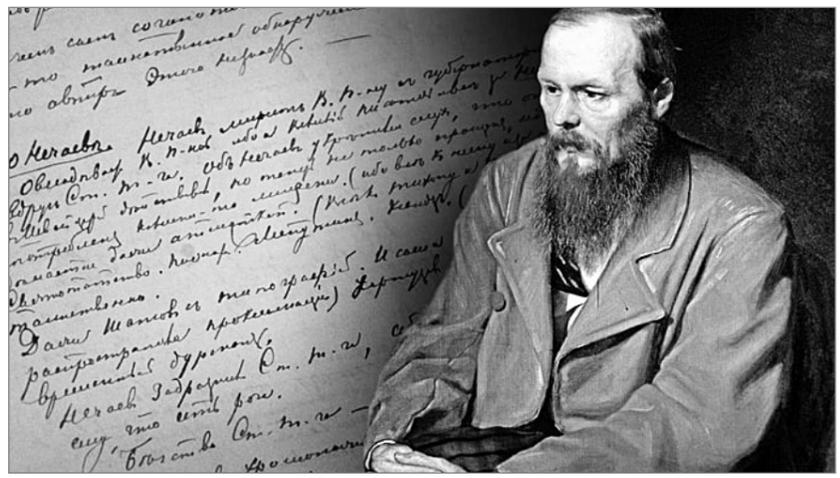
4

Суть Достоевского — свет: дорога к оному, прохождение сквозь лабиринты, ради обретения световой гармонии.

Бытует мнение о хаотичности языка классика: это так, и нет.

Действительно, Достоевский с неистовостью — точно текст летит над земными препонами — сбивает пласты разных речений: канцеляризм, жаргон, тут захлест всего, мешанина, но — именно такой язык и нужен для построения лабиринта, ведущего к световым просторам, столь редко встречающимся в жизни.

Если бы было иначе, не вышло бы эффекта, и речь на могиле Илюшеньки не прозвучала бы такой чистотой и болью.

Раскольников кажется чистым настолько, что убийство невозможно: будто это развернулись фантазии его.

Но нет — дребезжат детали, громоздятся мерзкий быт, выглядывает из щели двери отвратная старушонка.

Мерзкого много, провинциально-много, церковных долдонов много.

Страха, страсти.

Мышкину не найдётся места — как не сложится условий для второго пришествия, как невозможно представить условия посмертного бытования.

Достоевский кажется всеобщим братом и всем другом.

И мерцает слезинка ребёнка — вечным предупреждением.

5

Слезинка ребёнка мерцает предупреждением, не услышанным миром.

Не увиденным.

В своей огромности и вечном захлесте страстей мир сносит подобные мелочи — которые так велики сущностью.

В недрах себя каждый согласится с Достоевским, но внешнее организовывается сложно — боль и насилие продолжают созидать мир.

Книги не меняют его.

Но и без книг совсем захлебнулся в несправедливости и прагматизме.

6

Шаржированный Тургенев, представленный Кармазиновым, другим — с точки зрения Достоевского — быть не мог: тут противопоставление двух противоположных форм творчества: бурление, поток, истовость Достоевского, и ориентация на конкретный шедевр у Тургенева.

Слишком разные: и уважительное друг к другу отношение в жизни будто бы ничего не значило.

...бесы клубятся в провинциальной дыре: надо же откуда-то начинать.

К ним не относятся Кириллов: как-то криво втянутый (или почти) в их компанию.

Теоретик самоубийства, так глубоко погружённый в себя, что действительность вторична.

Сумрачный колорит: не мог быть другим — вот появляется Шигалёв, глядящий мрачно, рисующий панорамы грядущего мира: даже не тиранического, а дьявольски искажённого...

Революционеры спародированы?

Нет, методы их слишком претили Достоевскому, не верившему в подобные возможности переустройства общества...

А мир может меняться только через кровь: как ни ужасно это: назовите хоть одно человеческое значительное свершение, обошедшее без оной...

Мир, меняющийся через кровь, не устраивает классика, заваривающего крутую провинциальную драму.

Пока провинциальную: она выплеснется в глобальный масштаб, исказив всю действительность, меняя её, поднимая одних, низвергая других, ломая души, и...

Всё смешивается в алхимическом огромном сосуде классика, где впервые

появляются очевидно плохие, почти без оттенков: Верховенский и проч...

7

Зеркало должно быть огромно, чтобы отразить душу народа; оно будет неровно — и выпукло тою болью, что живёт в ней, и сиять, как сияет свет затаённой надежды.

Суммарный свод книг Достоевского, отшлифованный временем, превращается именно в такое сверкающее зеркало.

...ибо кристалл души Раскольникова чист, как у ребёнка; ибо фантом его зловещей фантазии, выданной за интеллектуальное построение, точно проносится мимо: хотя убийство было, этого невозможно отрицать; но накал муки — проедающая сущность героя совесть — так высок, а страдания в заключении столь серьёзны, что и содеянное растворяется в них.

...ибо нового Христа не ждёт реальность, о чём знает прекрасно русифицированный великий инквизитор, но Мышкин, возвращающийся из Швейцарии, всё же хочет проверить возможность родной земли принять новое проявление пророка.

...ибо Карамазовы — точно... не амбивалентность даже, а «расчётливость» души русской, где Алёша — световой полюс, Иван — интеллектуальный вектор, причудливо изгибающийся, раз не выдерживает умственного напряжения, Митя — ярость страсти и лютой порыв щедрого сердца, а Фёдор — тьма земного пути; сложный суммарный портрет русского бытия ложится отражением в пласт гигантского зеркала, нечто проясняя, ещё больше запутывая многое...

...ибо бесы всегда, или часто рядятся в одежды всеобщего благополучия, ни в грош не ставя чужую кровь, не желая проливать свою.

Но — даже и Макар Девушкин: жалкий, крошечный, смешной человек есть писк униженного русского естества; тщетный звук мечты о корочке счастья.

...ибо Сонечка Мармеладова найдёт ядовитую сласть в поспание собственного я ради жизни близких; а сотворить чудо ради них может каждый.

И все загнутые сложно, с заплесневелыми стенами лабиринты, письменная правда проступают на каких сквозь мутные потёки времени выводят к свету: в этом суть.

Речь на могиле Илюшеньки прожигает сгустками душевных, высших лучей смертный, свинцовый морок яви.

Мышкин оставляет след в живущих — и светится он, призывая к правде.

Даже Фердыщенко, предложивший салонную, пустую игру, подразумевал звенящие струны совести.

... как не современно всё!

Как противоречит технологической, прагматизмом скрученной, целесообразностью напитанной яви.

И — как мощно, верно работает зеркало, отражая прошлое, созидая грядущее.

Публикуется в сокращении.

■ ДЛЯ ДЕТЕЙ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ГЛУПОГО ТИГРЁНКА

История первая.
ЗАТО ЗИМА —
СКОРО ЗАКОНЧИТСЯ

Андрей ЗЕЛЕНИН
Союз писателей России,
пгт Звёздный

В лесу шёл снег.
Большие белые хлопья падали Тигрёнку на нос и таяли.

— Бр-р! — сказал Тигрёнок и помотал головой. — Как скучно! Всё снег и снег! Когда же закончится эта зима? Надоело уже!

Тигрёнок грустно-прегрустно вздохнул и пошёл. Куда глаза глядят.

А глаза глядели прямо на ёлку.

Тигрёнок шёл-шёл, глаза глядели-глядели и — бац! — стукнулись. Об ёлку.

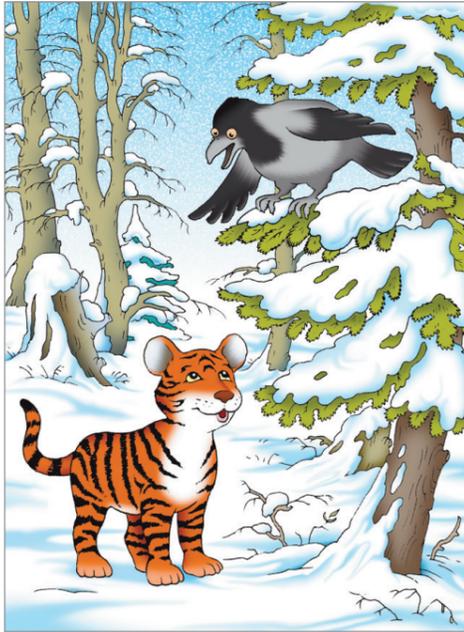
Впрочем, если говорить правду, стукнулись, конечно же, не глаза, а Тигрёнок — мордочкой.

— Кар-р! — сказала ёлка. — Какой кошмар-р! Поспать невозможно!

«Ого! — подумал про себя Тигрёнок. — Говорящая ёлка! А если она говорящая, значит, волшебная! А если волшебная, значит, должна знать, когда же закончится зима!»

И подумав так, Тигрёнок вежливо-превежливо, как только умел, спросил:

— Скажите, пожалуйста, вы не знаете, когда закончится зима? А то всё снег да снег! Надоело, понимаете ли.

Художник — Олег Панков

— Кар-р! — снова сказала ёлка. — Надо же! Сначала спать не дают, потом вопро-сики такие задают, что не соскучишься!

— Не сердитесь, пожа-алуйста, — виновато протянул Тигрёнок. — Я не хоте-ел, я неча-аянно. Я больше не бу-уду!

— Ага! Не будет он! — совсем не сердито проворчала ёлка. И спросила: — Интер-ресно, ты откуда взялся — такой?

— Не знаю, — сказал Тигрёнок и даже попытался развести в стороны передние лапы. — А что?

— А то, что у нас в лесу все знают, что зима скор-ро закончит-ся, скор-ро! — ответила ёлка.

«Как хорошо!» — обрадовался про себя Тигрёнок. А вслух он сказал:

— Большое вам спасибо, тётя Ёлка!

— Кар-р! Какая я тебе ёлка? Р-разве я похожа на ёлку? — возмущённо закричала ёлка. — Подними голову!

И тогда Тигрёнок поднял голову и увидел, что прямо над ним, на еловой лапе сидит какая-то большая и чем-то очень недовольная птица.

— Ой! — громко удивился Тигрёнок, увидев такое чудо. — А Вы кто?

— Какой глупый Тигр-рёнок! — тут же совершенно расстроилась большая птица. — Да Вор-рона я, Вор-рона!

Ворона хотела сказать что-то ещё, но, видимо, передумала и, взмахнув крыльями, улетела.

Тигрёнок долго смотрел ей вслед. А снег всё падал и падал.

«Ну, ничего! — думал Тигрёнок. — Зато зима — скоро закончит-ся!»

ТО ЛИ ДЕЛО ЛЕТОМ

Ой, беда-беда-беда —
Наступили холода!
Чтоб собраться погулять,
Надо столько надевать!

Джинсы надо надевать,
И ботинки надевать,
Надо свитер надевать,
Куртку надо надевать,
Шапку надо надевать,
Шарфик надо повязать —
Чтоб гулять собраться,
Столько одеваться!!!

То ли дело летом —
Раз, и всё надето!

ОХ, СЕГОДНЯ СНЕГА!

Ох, сегодня снега
Навалило с неба!
Белого! Пушистого!
Чистого-пречистого!

Замело дорожки,
Занесло тропинки —
Не пройти Серёжке,
Не пройти Иринке.

Только дяде Коле
Можно без дороги,
Он в снегу не тонет,
Он же длинноногий!

■ НАСТРОЕНИЕ

Наталья ГУМЕРОВА
Союз писателей
России, г. Пермь

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Это чувство возникает
Только раз за целый год...
Вдруг с утра в окошко глянет
Белоснежный небосвод.

Вместо осени дождливой,
Похудевшей и больной,
Заиграет всем на диво
Вестник зимушки шальной.

Сеть избушек угловатых
И невзрачные дома
Засияют стекловатой,
Словно в сказке терема.

Вот он первый, самый чистый,
Вызывающий восторг,
Завороженно искристый
Свежевыпавший снежок!

Тот же, вышедший из детства,
Из наивных юных лет, —
Замечательное средство
Ощутить добро и свет.

Осторожно, невесомо
Снег спускается к земле...
Дремлет в сладостной истоме
Белка в новеньком дупле.

Нежно, сказочно, красиво —
Хоть в панно отобрази, —
Кружева по всей России,
Жемчуга по всей Руси.

Вот бы сани-сороходы,
Тройку быстрых лошадей,
Да промчатся через годы
К светлой юности моей!

Где с беспечностью девичей
Пробегала по лыжне,
И задорный гомон птичий
Бубенцом звенел во мне.

Там, среди снегов атласных,
Среди ёлочек простых,
Открывая мир прекрасный,
Зарождался первый стих.

Первый вдох сизоокой зимы,
Первый робкий шаг по России.
После ветреной слякотной тьмы,
Снег неопытно пробует силы...

Опускается наземь легко,
Образуя покров белоснежный,
Будто кто-то пролил молоко,
Ну, а с ним и безбрежную нежность...

В этой нежности столько добра,
Что невольно возникнет улыбка.
Только жаль, что растает с утра,
Растворяясь видением зыбким.

Но пока ещё радует глаз
Чистый первенец северной стужи.
Первый снег, без намёков и фраз,
Даст понять, что и ты где-то нужен.

Первый снег закружил у порога,
Опускаясь в ладони мои.
Словно слёзы незримого Бога,
Словно чистые капли любви —

Молча тает, присев на ресницы,
Растворяясь на тёплых губах...
Рады снегу и люди, и птицы,
И бездомная свора собак.

Старики возвращаются в детство,
С ребячьей игрой в снежки.
Что там боль в пояснице и в сердце?
От мигрени — долой порошки!

Каждый взрослый в такие минуты,
Как ребёнок, светлеет душой.
Вопреки тревольням и смутам,
Сразу веришь, что всё хорошо.

Александр ГРИБАЛЕВ,
г. Пермь

ДЕД МОРОЗ ПРОСТУДИЛСЯ

В воротник спрятав нос,
(Не на шутку рассердился),
Хмуро думал Дед Мороз:
— Я, похоже, простудился.

У меня, наверно, грипп,
Или, может быть, ангина?
Вон как голос мой охрип,
Надо выпить аспирина.

Чтобы утром не хворать,
Он водичкой в горле булькнул,
Лёг в сугробную кровать
И, вздохнув, погрыз сосульку.

■ РАЗМЫШЛЕНИЯ

Джулия ДЖОЙНЕР,
г. Пермь

ЭМИГРАНТКЕ

Куда тебя унёс последний день,
последний час
В прикосновенье губ, во взмахе рук,
в движеньи глаз,

Куда унёс тебя поток
несбывшихся надежд
В плену своих речей
и в мягком шелесте одежд,

Куда унёс тебя безбрежный
синий океан,
Окутавши в свой призрачный
клубящийся туман,

Куда унёс тебя, маня,
прозрачный свет небес,
К которым рвутся ввысь дома со шпилями
и без,

Куда унёс тебя
широкий праздничный проспект
В огнях цветных реклам
и в бойком выкрике газет,

Куда унёс тебя тот город,
яркий и большой
Где можно снова всё начать
и обрести покой,

Куда унёс тебя с собою
солнечный закат?
Свободна ты, и счастье в том,
что нет пути назад.

Прощальный взмах руки... и кто
ответит мне сейчас
Куда унёс тебя последний миг,
последний час?

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ:
Пермская краевая общественная организация Союза писателей России
Газета «ПЕРМСКИЙ ПИСАТЕЛЬ» зарегистрирована Управлением Федеральной
службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых
коммуникаций по Пермскому краю.
Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ 59-0576 от 26.08.2011.
ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР — В. В. Якушев

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:
В. А. Богомолов — отдел прозы
А. Г. Гребнев — отдел поэзии
А. С. Зеленин — отдел детской литературы
И. Н. Тюленев — отдел международных связей
Ответственный секретарь — А. С. Зеленин
Верстка — С. Э. Невадомская

АДРЕС РЕДАКЦИИ / ИЗДАТЕЛЯ:
614000, г. Пермь, ул. Сибирская, 30, Дом писателя.
Телефоны: 8 (342) 212 14 97, 212 43 28.
E-mail: permsprossii@rambler.ru

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Все материалы принимаются в электронном виде.

КРАЕВАЯ ЛИТЕРАТУРНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА
«ПЕРМСКИЙ ПИСАТЕЛЬ» № 4 (42), 2021 г.
Подписано в печать 16.11.2021. По графику: 16.00. Фактически: 16.00.
Заказ № 1830. Тираж 1000 экз. Газета отпечатана в ООО «ЛИТЕРА»,
614540, г. Соликамск, Соликамское шоссе, 17.

Газета распространяется бесплатно.